

Олег КОЖИН
г. Петрозаводск

рассказ

- Место работы?
 — Средняя школа №630...
 — Профессия?
 — Преподаватель младших классов...
 — Почему задержаны?
 — Не имею понятия...

Этот нелепый, утомительный и — чего уж там скрывать?! — глупый разговор длился уже больше часа. Гуськов содрогался при мысли о том, что это только начало — небольшой ментальный прессинг. Дальше, по всем правилам допросов, должно было быть хуже.

Впервые попав под пристальный взор Комиссариата, Гуськов был растерян и подавлен. Конечно, он слышал, через что приходится проходить в этих кабинетах обычным задержанным вроде него, не говоря уже о врагах народа и шпионах из-за Периметра. Во время «чисток» хватают каждого десятого, из которых назад отпускают едва половину, и по каплям, крупицам, информация от этих запуганных, сломленных людей все же просачивается в общество. Да, многое было на уровне домыслов. Но именно от этих домыслов сейчас Гуськову было страшно.

Следователь — молодой, краснощекий мордovorот с погонами лейтенанта, битый час изводил его одними и теми же вопросами. Коротко, резко — будто дрова рубил. Вдох — замах, выдох — удар. Изредка, видимо для пушей запутанности, следователь вставлял какие-то совсем уж нелепые вопросы.

- Пол?
 — Чей?
 — Пол?!

— М..му...мужской... — от таких вопросов Гуськов терялся еще больше, начинал мямлить и даже сомневаться в правдивости своих ответов.

Экзекуция уже даже превратилась в некое подобие ритуала. Вопросов было не так чтобы очень много, и, поскольку они повторялись, Гуськов заметил некоторые закономерности.

— Сексуальная ориентация? — Этот вопрос следователь всегда произносил с еле заметным придыханием.

— Натурал...

— Имеете ли родственников за Периметром? — В этот момент лейтенант постоянно облокачивался на стол и смотрел особо пристально.

— Насколько мне известно — нет... — Отсюда обычно все начиналось по новому кругу.

— Фамилияимяотчество? — Всегда слитно, словно это одно слово.

— Гуськов, Аполлон Питиримыч... — Вот в этот момент непробиваемая твердокаменность следовательского лица все же давала сбой. Словно трещина на каменной кладке, на лице появлялось подобие улыбки. Робкое, неуверенное, но его было достаточно, чтобы Гуськов понимал, что если бы не работа, ржать бы следователю во всю силу своих молодых, здоровых легких. Да и, честно говоря, было от чего. Имя свое Гуськов не оправдывал даже на пять процентов.

Был Аполлон Питиримович, мягко говоря, нескладным — худощавый, с непропорционально большой головой и тонкими ручонками. Впалая грудь, узкие плечи, на которых, словно на вешалке, болтался дешевый, вытертый на локтях пиджак, ноги «колесом» — полная противоположность своему мифическому тезке. Картину довершали вечно слезящиеся глаза, прячущиеся за толстыми стеклами очков в роговой оправе, и огромные залысины, которые Аполлон пытался скрыть, зачесывая на них жидкие светлые волосы с висков.

Дверь распахнулась без стука, и в комнату для допросов стремительно вошел еще один человек в военной форме. Вот только звездочек на погонах и различных металлических

знаков отличия на его широкой груди было так много, что, даже не узнав Гуськов этого человека в лицо, он бы все равно понял, кто перед ним. При появлении вышестоящего руководства лейтенант соскочил с кресла, отступил к стене и вытянулся по струнке, молдцеовато выпятив грудь.

— Нааааадо жеее... — пришедший сдвинул брови и восхищенно поцокал языком. — Кто это у нас тут? Не иначе как сам Аполлон Питиримович? Надо сказать, я вас несколько по-другому представлял.

Гуськов смущенно закашлялся. Покраснел. Дернулся было встать, но, поймав тяжелый взгляд лейтенанта, оставил эту затею. Попытался протянуть руку для приветствия, но руку остановили наручники, которыми он был пристегнут к неудобному, жесткому стулу. Еще сильнее смутившись от своей суетливости, Гуськов покраснел еще больше и нервно заерзал на стуле. Наконец, с трудом подавив волнение, выдал из себя:

— Я тоже...

— Что «тоже»? — пришедший не кто иной, как Верховный Комиссар собственной персоной уселся напротив и теперь с любопытством разглядывал задержанного.

— Я думал, вы повыше, — промямлил Гуськов.

— Повыше... — задумчиво повторил Комиссар. А потом вдруг резко подался вперед, молниеносно схватил Гуськова за ворот, притянул к себе и рявкнул прямо в его перепуганное лицо:

— Нам все известно!

— П-правда все? — Гуськов ошалело захлопал глазами. Одновременно полулежать на столе и трепыхаться в могучей руке Комиссара было крайне неудобно.

— Всё, — подтвердил Комиссар, уже гораздо спокойнее. Отпустил Гуськова и брезгливо-демонстративно вытер руку о парадный китель. Однако по-отечески заглянул в глаза и добавил почти мягко:

— Мы вас слушаем, Аполлон Питиримович...

Услышав имя, лейтенант у стены сдавленно хихикнул, но быстро справился с приступом веселья, едва лишь высокое начальство изво-

лило глянуть в его сторону. Гуськов повертел головой, пытаясь приладить обратно надорванный ворот рубашки, потупил глаза и смущенно пробормотал:

– Действительно, чему я удивляюсь? Вы же Верховный Комиссар. Вам по штату все знать положено...

– Мы вас слушаем, Аполлон Питиримович, – повторил Комиссар.

Лейтенант на этот раз сдержался, но было видно, что дается ему это с огромным трудом. Аполлон собрался с духом и выпалил все, что волновало его в последнее время, – все мысли и чаяния как на духу выложил. Комиссар тупо хлопал глазами. Лицо его медленно становилось пунцовым.

– Талоны? – перебил он Гуськова. – Какие талоны?

– Талоны, – повторил Гуськов. – Слухи ходят, что учителям спецталоны выдадут. Вы сказали, что вам все известно, вот я и ... правда ли... – конец фразы Аполлон Питиримович скомкал и, внезапно осознав, что ляпнул что-то не то, смущенно упёрся глазами в пол.

У двери громко хрюкнул, не сдержавшись, лейтенант. Комиссар, не оборачиваясь, рывкнул:

– Аааатставить!

Смех прекратился, но плечи дознавателя все еще подергивались от с трудом сдерживаемого хохота.

Комиссар сцепил руки в замок и наклонился к Аполлону:

– Вы что же, мил-человек, издеваетесь?

– Никак нет, – еле слышно пробормотал Гуськов.

– Играться со мной вздумали?

– Я... – Гуськов судорожно проглотил скопившуюся во рту слюну, нервно подергал выпирающим кадыком, отчего стал похож на североамериканского грифа – такого, какими их рисуют в старых мультяках. – Я бы не посмел... – последние слова он уже почти прошептал. Снова смутился своей робости и принялся разглядывать носки своих давно не чищенных туфель.

– Да что вы такое говорите, дорогой вы мой? – манеру разговора Комиссар менял с легкостью опытного оратора, вот только

пульсирующая у виска жилка выдавала его истинное настроение. Комиссар щелкнул пальцами. Лейтенант мухой метнулся из комнаты, но тут же вернулся, неся в руках огромный бобинный магнитофон. Пыхтя, водрузил его на стол и вновь почтительно вытянулся у двери.

– Судя по нашим данным, милый вы мой Аполлон, – пальцы Комиссара ласково пробежались по здоровенным пластиковым кнопкам, – вы посмели бы сделать гораздо большее. Гораздо... – и Комиссар щелкнул тумблером.

Натурно крякнув, магнитофон потянул ленту. Комната огласилась резким треском эфирных помех и свистом настраиваемого радиоприемника. Комиссар бросил через плечо недовольный взгляд на лейтенанта и подкрутил регулятор громкости. Постепенно сквозь шумы стали пробиваться отдельные слова, которые в конце концов сложились во вполне членораздельную речь.

– ... И что же вы предлагаете? Внутри Периметра нет нормальных, я имею в виду – в нашем понимании нормальных, средств массовой коммуникации. – Голос принадлежал женщине.

– Даже самого захудалого телевидения нет. Кабель прокладывать нерентабельно, а «Излучатель» гасит даже радиоволны... Вам напомнить о провале операции «Наблюдатель»? Ни одна наша камера и даже ни один спутник так и не дали устойчивого сигнала!

– Значит, нам нужно искать другие решения. Нужно ловить момент, когда большая часть жителей города соберется в одном месте. – Бархатный бас, произнесший эти слова, наводил Гуськова на мысли об ученой степени, бороде, трубке с ароматным табаком и пивном брюшке. – Есть там у них какие-нибудь массовые праздники?

– Помилуйте! Какие там могут быть праздники?! – ответила женщина. – Только выступления Верховного Комиссара или Председателя Совета. Но они крайне редки, и охрана там... В прошлом году мы потеряли сразу двух агентов именно на такой акции.

– Я считаю, что в этот раз осечки быть не должно, – вклинился в разговор новый со-

беседник, обладатель скрипучего старческого голоса. — Наш агент-доброволец действует на территории уже шестой год. И, надо сказать, у Аполлона Пителирмыча отличная подготовка...

На этом месте запись вновь разразилась треском помех и оборвалась. Верховный Комиссар облокотился на сцепленные в замок руки и пристально посмотрел Гуськову в глаза, как бы спрашивая — «Ну? Что на это скажете?» Аполлон Пителирмович смущенно отвел взгляд и, оправдываясь, пробормотал:

— Надо же... Какое совпадение...

— Совпадение? — с наигранным удивлением переспросил Комиссар. — Совпадение, вы говорите, уважаемый мой Аполлон? Совпадение, дорогой вы мой, Пителирмович?!

— А знаете ли вы, — тут голос Комиссара утратил всякую эмоциональную окраску, стал настолько пустым и безжизненным, что Аполлон невольно съёжился в кресле, словно его окатили холодной водой на морозе, — ...знаете ли вы, милейший, что во всем — во всем! — Городе нет другого человека с таким же именем? А?

Гуськов робко поднял глаза на Комиссара, вдруг показавшегося ему неправдоподобно огромным, и жалобно проблеял:

— Правда?

Лицо Комиссара вновь пошло пунцовыми пятнами. Руки сами потянулись к несчастному подозреваемому, но Комиссар сдержал естественный порыв — придушить этого шута, позорящего его пусть в глазах всего одного, но все же — военного человека. Комиссар чувствовал, что за его спиной лейтенант улыбается во весь рот.

— Ну, хватит! — Верховный нетерпеливо поднялся, вновь громадиной нависнув над Аполлоном, словно готовый вот-вот рухнуть скальный уступ.

— Я изначально знал, что допрос ничего не даст. Эта глупая затея целиком и полностью инициатива Совета. Моя бы воля, вас, дорогой мой Аполлон, расстреляли бы еще вчера. Без суда и следствия. Однако благодаря нашему гуманному Совету я вынужден тратить на вас свое личное время, — Комиссар наклонился к задержанному, упершись в стол

широко расставленными руками. — Я спрашиваю в последний раз: вам есть что мне сказать?

У Аполлона Пителирмовича мелко задрожала нижняя губа. Не веря своим ушам, он уставился на Комиссара и заплетающимся языком промямлил:

— Расстреляли?

На лице следователя отразилась целая гамма чувств — гнев, раздражение, злоба — вот только жалости среди них не было. Комиссар обошел стол, встал за спиной арестованного, положил ему руки на плечи и, наклонившись к оттопыренному, припушенному тонкими черными волосками уху, прошептал:

— У меня для вас чудесные новости, дорогой вы мой. Сегодняшний день станет венцом вашей педагогической карьеры. Вы лично послужите примером и уроком сомневающимся. Не столько вы, конечно, сколько ваша показательная казнь, но, согласитесь, без вашего участия, милейший мой Аполлон Пителирмыч, это мероприятие провести бы не удалось...

Верховный Комиссар резко выпрямился и, похлопав Аполлона по плечу, двинулся к выходу. Возле лейтенанта он ненадолго задержался, окинул одобрительным взглядом выправку подчиненного и сказал:

— Подготовьте арестованного. И сообщите на все предприятия и подразделения, что сегодня будет сокращенный рабочий день. Казнь состоится в семь тридцать на Центральной площади. Опоздавшим группам — выговор с занесением в личное дело.

* * *

По коридору Аполлона Пителирмовича пришлось в буквальном смысле слова тащить. Два дюжих молодца под командованием лейтенанта без видимых усилий волокли едва касающегося носами стоптанных туфель Гуськова по коридору, пол которого был покрыт выцветшим зеленым линолеумом. Ноги не слушались Аполлона. Он мешком повис на руках мордovorотов-охранников и только вздыхал протяжно, когда жесткие

пальцы сильнее впивались в его дряблые мышцы. Жизнерадостный лейтенант шагал рядом, весело щерился, подбрасывая в руке увесистую связку с ключами. Ключи взлетали в воздух и с веселым звоном падали в широкую лейтенантскую ладонь. А за мелькающими мимо окнами, забранными решетками, приветствуя раннюю весну, весело галдели птицы. Общее веселье не разделял только Аполлон Питиримович. Даже тащившие его охранники — и те, казалось, получают от этого процесса видимое удовольствие. А лейтенант к тому же болтал без умолку.

— ...Честно говоря, мне вас даже немного жаль, ведь вы всего лишь слепое оружие. Но Комиссар — каков человек! Человечище! Ясно же, что атака из-за Периметра нацелена, главным образом, на наших лидеров. Быть может, на него самого! А ведь не побоялся — лично допрос провел!

Аполлон попытался сконцентрироваться на монологе лейтенанта. Выходило не очень, но суть он все же уловил. По каким-то немислимым причинам Верховный Комиссар должен был опасаться его — простого школьного учителя. Что мог противопоставить он, стареющий педагог, могущественнейшему человеку Города?

— Простите, господин лейтенант, но я действительно ничего не понимаю!

Лейтенант бросил на приговоренного снисходительный взгляд, ловко крутанул кольцо с ключами и, копируя комиссарскую манеру разговора, ответил:

— Неудивительно, дорогой вы мой Аполлон, — и тут же громко захохотал, но быстро справился с собой и свирепо шикнул на охранников, попытавшихся поддержать веселье командира.

— Знаете, Аполлон Питиримович, я вам верю, — сказал лейтенант и, предупреждая следующие вопросы арестованного, продолжил:

— И Комиссар вам верит. И Совет, как это ни парадоксально, тоже. Только вам от этого легче не станет. Вся следственная группа, занимавшаяся вашим делом, на девяносто девять процентов уверена в вашей неосведом-

ленности. Вы необычный шпион. Вы — робот, запрограммированный врагами из-за Периметра. В нужный момент в нужных условиях ваша программа должна была сработать и заставить вас выполнить поставленную задачу. Мы уже сталкивались с подобным. И мой вам искренний совет — радуйтесь, что Совет не отдал вас докторам из Института.

Гуськов не разделял воодушевления лейтенанта, но почувствовав, как при упоминании Института испуганно вздрогнули плечи его конвоиров, все же решил попытаться найти в себе хоть на йоту оптимизма. Этого как раз хватило бы на поддержание беседы, судя по всему, последней в его жизни.

— Но неужели нельзя ничего сделать? То есть... я хочу сказать: ведь все знают, что я не виновен! Ну какой из меня робот, право слово?! Я бы знал об этом, вы так не думаете?

Конвой остановился перед огромной бронированной дверью, и лейтенант принял возиться с ключами. Щелкнул замок, по коридору прокатилось эхо скрипнувших петель. Лейтенант обернулся к Гуськову, сочувственно помотал головой и сказал:

— Вы — бомба, Аполлон Питиримович. Ходячая неразорвавшаяся бомба. А что делают неразорвавшимися бомбами?

И, не дождавшись ответа, сам ответил на свой вопрос:

— Их уничтожают...

* * *

На центральную площадь стекался народ. Ис трибуны, где разместились Совет в полном составе и сам Верховный Комиссар, открывался хороший обзор. Видно было, как стройными колоннами под предводительством своих бригадиров идут рабочие из заводских кварталов, как, чеканя шаг, маршируют временно освобожденные от несения дежурства отряды солдат, как дисциплинированными группами к площади стекаются школьники и студенты. Никакой давки и неразберихи. Порядок построения всем давным-давно известен. Каждая группа занима-

ла отведенную именно ей часть площади. Последней, по заведенному порядку, подошла самая малочисленная группа – отставные военные и пенсионеры.

Комиссар шагнул на верхнюю трибуну и окинул довольным взглядом жителей Города. Теми моментами, когда он во всем стоял выше Совета, Комиссар особенно упивался. Артистическим отрешенным годами движением он вскинул к небу руку, приветствуя собравшихся и призывая их к тишине. Впрочем, последнее было излишним. Единственным звуком на площади были шаги приговоренного и конвоиров, направлявшихся к помосту, в центре которого стоял электрический стул. Еще семь лет назад на его месте была обычная грубо сколоченная виселица, и Комиссар, считавший себя сторонником прогресса, каждый раз искренне радовался, с любовью и гордостью поглядывая на стул.

– Сограждане! – зычный комиссарский голос, прокатившись по площади, обрушился на стоящих у подножия трибуны людей.

– Собратья! – Каждое слово звоном отдавалось в головах и огнем вспыхивало в сердцах.

– Соратники! – Комиссар, наслаждаясь моментом, еще раз оглядел выстроившиеся шеренги.

– Коварный враг, засевший за Периметром, не дремлет! Днем и ночью он строит свои козни, угрожая нашему светлому будущему! Мировое зло пытается лишить нас того, что мы так долго строили! Пытается навязать свои порядки!

По рядам горожан пролетел недовольный ропот. Некоторые даже стали озираться по сторонам, словно надеясь увидеть рядом подлых наймитов коварного врага.

– Но надежным щитом от вражьих происков служат нам наша Армия и Комиссариат! Этот человек, – палец Верховного метнулся в сторону стула, на котором в данный момент охранники закрепляли ремнями несчастного Аполлона Питиримовича Гуськова, – совершил чудовищное преступление! Он вошел в сговор с врагом!

Недовольный ропот стал громче. Кто-то уже грозил приговоренному кулаком. Кто-то выкрикивал проклятия.

– Наказание за предательство своего наро-

да – одно! – Комиссар выдержал эффектную паузу и рывкнул: – Смерть!

И словно по команде взлетели вверх сжатые в кулаки руки и тысячи глоток подхватили, как молитву:

– Смерть!

– Смерть!!!

– Смееееееерт!!!

Комиссар вновь вскинул руку, призывая к тишине. Подождал, пока утихомятятся самые шумные, и принялся зачитывать Приговор. Советник по Образованию склонился к Первому Заместителю и шепнул:

– Давно у народа не было праздника. Сегодня, кстати, особенно людно, не находите?

Первый Заместитель согласно кивнул:

– Согласно приказу Верховного Комиссара и учитывая низкую активность противника, на сегодняшнее мероприятие было решено снять с несения дежурства восемьдесят процентов бойцов.

– Кроме того, – включился в беседу Советник по Производству, – с заводов и фабрик было отпущено около девяноста процентов работников. Комиссар очень серьезно относится к этой акции...

Комиссар закончил чтение Приговора и уступил место Председателю Совета.

– Приговор обжалованию не подлежит! – произнес Председатель традиционную для финала фразу.

– Приговоренный, вам есть что сказать в свое оправдание?

Один из конвоиров влажной губкой обтер голову приговоренного и одел на нее обруч с проводами. Другой занял позицию возле шкафа с рубильником. Гуськов молча смотрел на ровные шеренги горожан, на серые робы рабочих, синюю школьную форму, стерильно белые врачебные халаты, на покрытые пылью ботинки, грязные перчатки, мундиры цвета хаки – смотрел и не видел лиц.

Склонившись к Верховному Комиссару, Советник по Производству прошептал:

– На всю следующую неделю рабочий день предлагаю продлить на полчаса. Развлечения развлечениями, а план выполнять надо. Вы же, господин Комиссар, весь Город от работы оторвали...

— Приговор привести в исполнение! — крикнул Председатель Совета.

— ...Весь Город... — задумчиво повторил Комиссар. — Весь Город...

Весь Город лежал перед ним. Маленькое государство, остающееся верным своему Долгу, несмотря на постоянные нападки осаждающих его врагов. Огромный, слаженный механизм, внушающий священный трепет даже ему, человеку, который определял ход этого механизма. Непрístupная крепость на пути отступников, забывших, что значит служить своей Родине, даже если последний приказ с этой самой Родины пришел почти полтора века назад.

Город. Его Город. Такой огромный, такой сильный. И такой хрупкий перед очередной коварной задумкой врага.

— Есть привести в исполнение! — донеслось от помоста.

И тут же в голове Комиссара что-то щелкнуло, словно встал на место недостающий кусок головоломки. Он кинулся к трибуне, плечом оттолкнул Председателя и, совершенно забыв про микрофон, заорал:

— А-а-атставить!

Он опоздал всего на долю секунды. Рука в резиновой перчатке уже тянула рубильник вниз. Резкий щелчок, который послал по проводам ток убийственной мощности, разнесся над молчаливой площадью, перекрыв даже эхо комиссарского крика.

Аполлон Питиримович Гуськов, школьный учитель, пятидесяти восьми лет от роду, нескладный и нелепый, — прикрыл глаза, чтобы не видеть страшную серую массу, молча взирающую на то, как убивают человека, и прошептал: «Жаль... Как же мне всех вас жаль». И «взорвался».

А секунду спустя раздался протяжный истошный женский крик:

— Да что же вы за звери такие?!

А потом заплакали дети...

* * *

— Поздравляю, коллеги! Действие «Излучателя» нейтрализовано! — Артур Иванович, жизнерадостный бородач, влетел в лабораторию, словно вихрь. Улыбаясь, пожимая протянутые руки, хохоча как ненормальный, он подбежал к Лидочке Еременко — самой младшей участнице проекта, подхватил ее на руки и, рискуя сбить приборы и зацепить коллег, завальсировал по комнате.

— Да что вы как ребенок, ей-богу! — проскрипел сидящий возле мониторов Семен Климентьевич, старейший работник НИИ и руководитель проекта в одном лице. — Видим все прекрасно... Давайте сюда ваши графики.

— А что, передачу наладили? — Артур осторожно поставил Лидочку на пол. Вынув из нагрудного кармана цифровой носитель, он положил его перед Семеном Климентьевичем и с интересом уставился в мониторы. Лидочка одернула халат и рассмеялась:

— Артур, ну что же вы?! Сами же сказали — действие «Излучателя» нейтрализовано. Исчезло не только негативное воздействие на людей, но и помехи. Сигнал устойчивый и четкий. Прямо перед вашим приходом пошел...

Она помолчала и чуть слышно добавила:

— Справился-таки Аполлон Питиримович...

Однако Артур ее услышал.

— Питиримыча жаль... — помрачнев, кивнул он. — Широченной души человек был. Добровольно пойти на подавление личности и нейролингвистическое программирование... Буквально стереть самое себя, это, знаете ли, не каждый... Да, не каждый.

— Но мы же могли восстановить его?! Правда? — с какой-то детской надеждой спросила Лидочка. — Неужели все должно было закончиться именно так?

— Не могли, — скрипуче ответил Семен Климентьевич. — Аполлон знал, на что идет. И знал, что назад не вернется. Просто он очень любил людей... даже этих, из Города. А когда любишь кого-то, гораздо легче принести жертвы...

Некоторое время было лишь слышно, как

тихонько гудят сверхмощные компьютеры. Затем Семен Климентьевич поднялся со своего кресла и, подойдя к застывшей парочке, встал рядом.

— Земля ему пухом, — пробормотал он и принялся молча смотреть в мониторы слежения.

В немногочисленные камеры, некоторые из которых были установлены ценой жизни агентов, весь Город видно не было. Но полную картину это составить не мешало. Большая часть народа нестройной толпой шла в сторону Периметра. По площади, побросав винтовки, слонялись солдаты. Некоторые люди сидели прямо на мостовой, обхватив головы руками, раскачиваясь из стороны в сторону. На трибуне, спрятав лицо в ладонях, рыдал Первый Заместитель. Совсем рядом, зажав в руке табельный пистолет, в неестественной позе лежал Верховный Комиссар...

И во всей этой суматохе никто не обращал внимания на центрального персонажа действия, сидящего на нелепом металличе-

ском стуле, опутанного проводами, с мерцающим, будто нимб, обручем на висках. Откинув голову назад, Аполлон, не мигая, смотрел в весеннее небо и грустно улыбался — стройный и прекрасный, словно молодой бог.

□

Олег Игоревич КОЖИН

родился в 1981 году в Норильске.

Окончил ЛГОУ им. А.С. Пушкина.

Прозаик.

Предпочтение отдает хоррору, мистике,

фантастике в литературе.

Публиковался в журналах «Полдень. XXI век», «Знание – сила»,

«Уральский следопыт» и др. изданиях.

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

